

Литература

Арутюнов С. А. — *Арутюнов С. А.* Обычай, ритуал, традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 97—99.

Байбурин 1988 — *Байбурин А. К.* Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 12—37.

Байбурин, Топорков 1990 — *Байбурин А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990.

Верещагин 1995 — *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края / отв. за выпуск Никитина Г. А. Ижевск, 1995.

Верещагин 1996 — *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / отв. за выпуск Христоролюбова Л. С. Ижевск, 1996.

Владыкина 1997 — *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1997.

Леви-Стросс К. — *Леви-Стросс К.* Мифологии: происхождение застольных обычаев. М., 2007. (Bibliotheca Indiana).

Островский 1873 — *Островский Д.* Вотяки Казанской губернии. Казань, 1873.

Первухин 1890 — *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз V. Следы языческой древности в северных обрядах обыденной жизни вотяков от колыбели до могилы. Вятка, 1890.

Трофимова 1991 — *Трофимова Е. Я.* Как сложилась народная кухня удмуртов. Блюда удмуртской кухни. Ижевск, 1991.

Христоролюбова 1984 — *Христоролюбова Л. С.* Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск, 1984.

Этнические стереотипы поведения 1985 — Этнические стереотипы поведения / под ред. А. К. Байбурина. Л., 1985.

Этнографическое изучение 1989 — Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.

Сокращения

НОА УИИЯЛ УрО РАН 2008 — Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. Оп. 2-Н. Д. 1535. 141 л.

УР — Удмуртская Республика.

РБ — Республика Башкортостан.

Summary. *The author has done comparative analysis of the receiving guests traditions which are bound up with family rite. It is done on the basis of original materials collected by the author in local groups of the Udmurt Republic, Bashkortostan and the Perm region.*

Key words: *guest etiquette, stereotype forms of behavior, etiquette language.*

И. В. ПЧЕЛОВОДОВА
(Ижевск)

ХОРДОФОНЫ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УДМУРТОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются хордофоны, редко упоминаемые в удмуртском этноинструментоведении. На примере струнно-смычковых и струнно-щипковых музыкальных инструментов, зафиксированных в опубликованных источниках XIX—XX вв. и полевых материалах XX—XXI вв., выявляется архаичный пласт инструментальной культуры удмуртов. Сравнительный анализ приемов игры и названий частей инструментов позволяет по-новому взглянуть на генезис музыкальных инструментов и их место в удмуртской и мировой традиционной культуре.*

Ключевые слова: *хордофоны, струнно-смычковые, струнно-щипковые, музыкальный лук, скрипка, приемы игры.*

Хордофоны в удмуртской традиционной культуре представлены двумя группами: струнно-смычковой и струнно-щипковой. К первой относятся музыкальный лук, трехструнный инструмент и двухструнный типа русского гудка. Вторую группу составляют «ротовой» музыкальный лук, шлемовидные гусли и балалайка. Целью данной статьи является рассмотрение инструментов, редко упоминаемых в удмуртском этноинструментоведении.

В книге одного из первых удмуртских исследователей Г. Е. Верещагина встречаются сведения о существовании среди удмуртов Сосновского края (совр. Шарканский р-н Удмуртской Республики) детской игрушки в виде лука под названием *лукыч* [Верещагин 1886, 189]. Он представлял собой деревянный ствол в виде желобка, в основании которого просверливалось отверстие для продевания лукообразного прутика из вяза или вереска¹. К обоим концам

¹ Вереском на территории Удмуртской Республики называют можжевельник (устное сообщение канд. биол. наук Н. Ю. Сунцовой).

лука привязывалась крепко натянутая бечевка. Нужно было выпустить стрелу с помощью натянутой бечевки, которая крепилась к специально вырезанной зарубке на стволе. Судя по рисунку, размещенному автором в статье, лук устанавливался прямо на земле или мог закрепляться на каком-либо предмете для устойчивости.

В качестве музыкального инструмента он впервые описан музыковедом В. М. Беляевым: музыкальный лук — один из древних смычковых музыкальных инструментов удмуртов «с одной, двумя и даже тремя тетивами-струнами из конских волос» [Беляев 1989, 36], т. е. изготавливался из ветки с несколькими разветвлениями. Другой такой же лук с одной тетивой-струной использовался в качестве смычка. Волос предварительно натирался еловой смолой. Исследователь замечает, что местное название инструмента и способы игры на нем не зафиксированы, не упоминается и регион бытования инструмента. Других сведений о музыкальном луке удмуртов встретить не удалось. До сих пор остаются нераскрытыми следующие вопросы: из каких пород дерева и в какое время года изготавливался инструмент, каковы процесс изготовления, размеры лука и смычка, способы настройки струн (если их было несколько), технология игры, в какое время и кто мог играть на музыкальном луке.

Существует несколько точек зрения на происхождение музыкального лука. Одни исследователи связывают его с охотничьим луком (Г. Балфор), другие, напротив, возводят охотничий лук к музыкальному. В этом ряду выделяется позиция К. Закса, установившего, что генезис музыкального лука никак не связан с охотничьим. Согласно этой точке зрения он происходит от ударяемого лука «через промежуточную форму, называемую ‘земляная цитра’» (цит. по: [Wachsmann 1961, 37]). Далее, в процессе своего развития, музыкальный лук принял форму охотничьего лука. Замечу, что в удмуртской традиционной культуре словом *лукыч* обозначается также охотничий лук.

Во многих уголках мира музыкальный лук является детской игрушкой, а потому он мог быть упущен исследователями из виду или рассматриваться в качестве игровой ловушки, «которая могла тут же соорудиться» [Wachsmann 1961, 38]. В качестве детской игрушки удмуртов, как мы отмечали выше, описывает лук и Г. Е. Верещагин, он же упоминает единственное зафиксированное в литературе название игрушки-инструмента — *лукыч*.

Музыкальный лук без резонатора имеет тихое, приглушенное звучание, поэтому наличие резонатора для него считается необходимым условием. К. Закс выделяет три типа инструмента: лук с отдельным резонатором, лук с прикрепленным резонатором (или тыквенный лук) и ротовой лук, где в качестве резонатора выступает ротовая полость исполнителя [Sachs 1968, 57]. В случае со смычковым музыкальным луком удмуртов усиления звучания инструмента могли достигать двумя способами: либо при помощи отдельного резонатора, например, в виде земляной ямы или отдельного сосуда (по аналогии с детской игрушкой), либо приставив его ко рту. О наличии отдельного резонатора смычкового музыкального лука никаких сведений в литературе найти не удалось, поэтому о способах игры на нем остается лишь догадываться. Однако в инструментальной традиции южных удмуртов некогда бытовал ротовой лук под названием *кубыз*². Музыкальный инструмент представлял собой согнутую широкую лучину, за края которой прикреплялась одна балалаечная струна; во время игры один конец инструмента прикладывали ко рту, струну защищали пальцем; звук напоминал жужжание майского жука [Гаврилов 1978, 38—39]. Информацию

² Очевидно, что термин *кубыз* был заимствован удмуртами от соседних тюркских народов (татар, башкир). У удмуртов он обозначает не только струнные инструменты (ротовой лук, трехструнный смычковый инструмент), но и духовой — волынку *кубыз, быз*, где последний, по мнению татарского этномузыковеда Г. М. Макарова, является укороченной формой первого [Макаров 2008, 83].

об игре на аналогичном инструменте под названием *домбро* у завятских удмуртов, проживающих в Балтасинском р-не Республики Татарстан, зафиксировала этномузыковед И. М. Нуриева. Домбро изготавливался из согнутой ивовой ветви толщиной с палец, на которую были натянуты струны из овечьих жил; один конец инструмента прикладывали ко рту, а правой рукой перебирали струну [Нуриева 2004, 16]. И в том, и в другом случае исполнителями являлись мужчины, воспроизводившие на нем различные обрядовые мелодии (свадебные, гостевые, плясовые), а также импровизации. Наличие подобного инструмента у марийцев под названием *кон-кон* дало основание музыковедам В. И. Яковлеву и Е. П. Бусыгину предположить, что струнно-щипковый музыкальный лук стал в регионе Поволжья прообразом гуслей [Бусыгин, Яковлев 2007, 334].

Другие параллели ротового музыкального лука прослеживаются в традиционной культуре сибирских народов. У тувинцев игра на *ча-хомус* представляет собой один из древних способов музицирования: один конец лука упирается в землю, другой — в плечо, к тетиве прикладывается открытый рот, струна защищается пальцем [Сузукей 2007, 56].

Таким образом, в удмуртской инструментальной культуре можно выделить два типа музыкального лука, отличающиеся способом звукоизвлечения: при помощи смычка и защищиванием пальцем. На наш взгляд, четко разграничивать эти инструменты не имеет смысла. В пользу такого подхода говорит тот факт, что, например, разные племена южных индейцев играли на музыкальном луке тремя способами: (1) ударя по струне палкой, (2) зацепляя струну пальцем или (3) с помощью смычка [Izikowitz 1935, 203]. В инструментальной практике эстонцев существует ритмо-шумовой инструмент *umba (jaurat)*, состоящий из палки длиной 1,5 м, согнутой в виде лука, на которую натянута тетива из стальной проволоки. Через проволоку продевается металлическая консервная банка, наполненная

камешками, закрепляющаяся чуть выше нижнего крепления проволоки-тетивы. Другой частью инструмента является деревянная зазубренная палка. Во время игры на сильной доле такта мелодии «луком» ударяют об пол, а на следующих долях водят палкой либо ударяют ею по тетиве, заставляя звенеть погремушки и колокольчики, подвешенные в верхнем конце тетивы [Тынурист, Мулдма 2004, 12]. В качестве ударного звукового орудия использовался лукообразный инструмент *йыдан* и у марийцев: звук неопределенной высоты извлекался с помощью щипка пальцами или палочкой. На тетиву надевали специальное деревянное колечко, возможно, для усиления звенящего эффекта [Герасимов 1996, 197]. У сибирских народов (нганасан, энцев, ненцев, селькупов, эвенков и др.) также применяется одновременно игра с помощью смычка (плавное ведение или удар) или «щипком одной или обеими руками исполнителя» [Шейкин 2002, 119].

Материалом для изготовления музыкального лука могли служить ветви гибких пород деревьев. В местных природно-климатических условиях таковыми являются вяз и можжевельник. Эти же деревья, по описанию Г. Е. Верещагина, использовались удмуртами для изготовления детской игрушки.

О существовании в удмуртской инструментальной культуре двухструнного смычкового инструмента под названием *кубыз* упоминает музыковед В. М. Беляев. Исследователь отмечает его сходство с древнерусским *гудком* и марийской скрипкой *ия-ковыж* [Беляев 1989, 36]. Как свидетельствуют экспедиционные материалы, на севере Удмуртии до сих пор сохранилось название *гудок* — так называли инструмент типа скрипки, хотя самого инструмента уже не существует [ПМА].

Сходство с вышеназванными инструментами позволяет предположить существование у удмуртов древнего смычкового инструмента, изготавливаемого из цельного куска древесины. Например, гудок в русской инструментальной культуре первоначально выдалбывался из цельного куска древесины и

имел сравнительно небольшие размеры (20–30 см) [Банин 1997, 44]; марийскую скрипку ия-ковыж также изготавливали из цельного куска древесины [Герасимов 1996, 82]. Необходимо обратить внимание на архаичный способ игры на ия-ковыже: большое расстояние между грифом и струнами предполагает игру касанием струны пальцем, без прижимания ее к грифу [Там же, 84–90].

Традиции гудочной игры прослеживаются и в соседнем регионе. В. А. Альбинский, исследуя традиции народного исполнительства на струнно-смычковых инструментах в Пермском крае, в 1973 г. знакомится с музыкантом из с. Сива Пермского края И. М. Устиновым, «сохранившим в своей игре и способе изготовления инструмента черты древнерусской скоморошьей гудьбы и гудочного промысла» [Альбинский 1986, 73]. Основы изготовления и способ игры на инструменте народный музыкант перенял у старика-охотника из с. Сергино Базинского р-на Удмуртской Республики. По сведениям того же исследователя, в 30-е гг. XX столетия в с. Кулига (Кезский р-н Удмуртской Республики) существовало кустарное производство «скрипок» грубой, упрощенной формы [Там же, 74]³.

Сходный инструмент известен и другим финно-угорским народам: коми под названием *сигудок* [Чисталев 1984, 24–25], ханты — *нин-юх* [Лукина 1980, 50–51], финнам и карелам — *йоухико* [Михайлов, Михайлова 2009, 60] и т. д. Исследователь коми музыкальных инструментов П. И. Чисталев возводит функционирование подобных хордофонов к общепермской эпохе [Чисталев 1980, 17].

В настоящее время среди вышеназванных струнно-смычковых инструментов в живой практике удмуртов сохранился лишь трехструнный инструмент. В зависимости от региона бытования встречается несколько его названий: термин *кубыз*, *домбро* распространен у завятских (Балтасинский р-н Республики Татарстан, Малмыжский

р-н Кировской обл., Мари-Турекский р-н Республики Марий Эл) и южных удмуртов (Алнашский, Можгинский, Якшур-Бодьинский р-ны Удмуртской Республики); название *скрипка*, *скрепка* зафиксировано у закамских удмуртов (Татышлинский р-н Республики Башкортостан, Куединский р-н Пермского края); в центральных районах Удмуртской Республики (Завьяловский р-н) все музыкальные инструменты называются *крезь*, относительно скрипки вводятся уточняющие определения — *коскам крезь* (букв.: музыкальный инструмент со смычком) или *куско крезь* (букв.: музыкальный инструмент с талией); на севере Удмуртии встречаются заимствованные русские слова *гудок*, *бандурка*, *скрепка*. Первое — *кубыз* — на сегодняшний день закрепилось как основное.

Судя по экспедиционным материалам последних двадцати лет (1987–2008 гг.), *кубыз* сохранился за пределами основного расселения удмуртов. Он встречается среди удмуртов, проживающих на территории Республики Татарстан (Балтасинский р-н), Республики Башкортостан (Татышлинский и Янаульский р-ны), Пермского края (Куединский р-н), Республики Марий Эл (Мари-Турекский р-н). Материалы первой половины XX в. научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН свидетельствуют об исполнительстве на *кубызе* среди южных удмуртов (Алнашский, Якшур-Бодьинский р-ны Удмуртской Республики), однако инструмент давно вышел из употребления [НОА. Оп. 2-Н. № 202. Л. 212]. Аналогичная ситуация наблюдается и в северных районах Удмуртии, хотя в памяти деревенских жителей до сих пор сохранились воспоминания об исполнителях на скрипке — *гудке*.

Многие названия частей инструмента связаны не только с антропоморфными и зооморфными образами, но и с элементами женской одежды, хотя игра на *кубызе* относится исключительно к мужской традиции исполнительства (завиток и колковую коробку называют *кубыз дьыр* (*йыр*) ‘головка *кубыза*’;

³ В с. Сергино и с. Кулига Удмуртской Республики проживает старообрядческое население филипповского толка.

колки — *ч"ог, позыртэт* ‘колышек’; шейку — *чырты* ‘шея’; гриф — *вылын ашет* ‘верхняя часть фартука’ или *айшет* ‘фартук, передник’; подставку под струны — *атас* ‘петух’, *ныкы* ‘гребень’ или *атас ныкы* ‘петушинный гребень’; дужку — *ныкет/ны'тет* ‘подставка’, пуговку под струнодержатель — *ашет кутон* (букв.: то, чем привязывается, фартук-пояс), верхнюю деку — *бам* ‘лицо’, нижнюю деку — *сьёр* ‘задняя часть’, обечайку — *урдэс* ‘бок, сторона’, струнодержатель — *улын ашет* ‘нижняя часть фартука’ [Нуриева 2004, 14; Деметер 2008]. В инструментальной традиции народов ханты и манси смычковый инструмент, похожий на скрипку, с одной-двумя или двумя-тремя струнами из лосиных сухожилий и имеющий овальный корпус, относят к женским музыкальным инструментам. Однако последние экспедиционные материалы показывают, что исполнителями на них являются главным образом мужчины [Сильвет 1991, 12]. Называется инструмент *ниэ-нарежух/нин юх* (ханты) или *нэрнэ-йив/нэрнэ ив* — ‘женское дерево’ (манси) [Соколова 1986, 9—10]. По мнению исследователя музыкальной культуры народов Сибири Ю. И. Шейкина, определение «как бы указывает на женский голос, скрывающийся за <...> тембром» инструмента [Шейкин 2002, 137]. Возможно, присутствие в названии отдельных частей кубыза женских элементов одежды сохранило мифологический контекст бытования музыкального инструмента в традиционной культуре удмуртов.

Во время игры инструмент обычно находится в вертикальном положении: играют сидя и инструмент держат между коленями, реже — на левом колене. Народный музыкант Кузьма Демьянович Андреев способ игры на коленях объясняет так (не без юмора): «Если держать скрипку на плече, можно кому-нибудь смычком в глаз воткнуть, а так в худшем случае только в живот попадёшь». Во время гуляний, а также при сопровождении свадебного напева (*сюан сямен*), как правило, играют стоя, при этом кубыз придерживают на запястье при помощи веревочки (*кай*), которую привязывают к шейке инс-

трумента. Бывали случаи, когда кубыз подвешивали к пуговице пиджака или привязывали к верхней одежде и, таким образом, облегчали игру стоя. Отметим еще раз, что некоторые музыканты не прижимают струны к грифу инструмента, а только прикасаются к ним подушечками пальцев. Такая техника игры у удмуртов могла сохраниться со времен использования инструментов с цельнодолбленным корпусом.

В статье венгерского этномузыколога Луизы Тари проводится сравнительный анализ удмуртской, марийской и чувашской скрипки на основе полевых материалов, собранных Ласло Викаром [Tari, 1997]. В статье есть несколько любопытных и спорных моментов. В частности, исследователем высказана интересная мысль относительно звучания кубыза, якобы имитирующего звучание волынки. Такое сходство нам представляется не случайным, так как у обоих инструментов имеется бурдонирующий бас: нижняя струна у скрипки и бурдонирующая трубка у волынки. Это явление, по мнению Луизы Тари, связано с представлением о «человеке-оркестре», имеющем под собой вполне убедительное основание. В удмуртской инструментальной культуре кубыз — преимущественно сольный инструмент, однако во время праздников *кубызчи* (исполнитель на кубызе), одновременно играя на двух-трех струнах и отбивая ритм ногой, создавал многоплановое звучание. Спорным моментом в статье является сравнение стилей игры на традиционной скрипке поволжских народов и игры на скрипке скандинавских народов (шведская «никельхарпа», норвежская «хардингфель», эстонская «таллхарпа», финская «йоухикко», исландская «фидла», ирландская «крот»). На наш взгляд, наиболее верным было бы обращение к инструментальной культуре тюркских народов, а также народов Азии и Сибири (тувинцев, бурят, ханты, манси, нганасан, селькупов и др.).

Многие музыкальные инструменты удмуртов в условиях социально-экономических преобразований вышли из употребления, что наглядно показывает данная статья. Их выявление и анализ

позволяет по-новому взглянуть на генезис музыкальных инструментов и их место не только в удмуртской традиционной культуре, но и в мировом контексте.

Литература

Альбинский 1986 — *Альбинский В.* Пермская русская «скрипка» // Проблемы традиционной инструментальной музыки народов СССР / отв. ред. И. В. Мациевский. Л., 1986. С. 72—79.

Банин 1997 — *Банин А. А.* Русская инструментальная музыка фольклорной традиции. М., 1997.

Беляев 1989 — *Беляев В. М.* Справка об удмуртских народных музыкальных инструментах // Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Удмуртские народные песни. Ижевск, 1989 (Памятники культуры). С. 34—38.

Бусыгин, Яковлев 2006 — *Бусыгин Е. П., Яковлев В. И.* Гусли у поволжских народов // Счастье жить и творить. Казань, 2006. С. 332—335.

Верещагин 1886 — *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края. СПб., 1886.

Гаврилов 1978 — *Гаврилов И.* Тодам вайско. Ижевск, 1978.

Герасимов 1996 — *Герасимов О. М.* Народные музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола, 1996.

Деметер 2008 — *Деметер М.* Традиция игры на кубызе у шошминских удмуртов // *Fenno-ugrica* 1. Йошкар-Ола, 2008. Вып. 5. С. 188—195.

Лукина 1980 — *Лукина Н. В.* О возможности изучения музыкального фольклора восточных хантов // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами / сост. И. Рюйтел. Таллин, 1980. С. 50—61.

Макаров 2008 — *Макаров Г. М.* О формировании музыкально-инструментальной культуры финно-угров Волго-Камья в древности (по материалам народной терминологии) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений. Саранск, 2008. С. 71—89.

Михайлов, Михайлова 2009 — *Михайлов Е. П., Михайлова Н. С.* Музыка Северной деревни: Традиционные музыкальные инструменты из фондов Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Киж», Карельского государственного краеведческого музея и частных коллекций. Петрозаводск, 2009.

Нуриева 2004 — *Нуриева И. М.* Песни завятских удмуртов. Ижевск, 2004. Вып. 2. (Удмуртский фольклор).

Сильвет 1991 — *Сильвет Х.* Инструментальная музыка обских угров (хантыйские наигрыши на лире). Таллинн, 1991.

Соколова 1986 — *Соколова З. П.* Музыкальные инструменты хантов и манси (к вопросу о происхождении) // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллинн, 1986. С. 9—21.

Сузукей 2007 — *Сузукей В. Ю.* Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М., 2007.

Тынурист, Мулдма 2004 — *Тынурист И., Мулдма М.* Эстонские народные музыкальные инструменты. Таллинн, 2004.

Чисталев 1980 — *Чисталев П. И.* Музыкальные инструменты пермских народов. Сыктывкар, 1980.

Чисталев 1984 — *Чисталев П. И.* Коми народные музыкальные инструменты. Сыктывкар, 1984.

Шейкин 2002 — *Шейкин Ю. И.* История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М., 2002.

Izikowitz 1935 — *Izikowitz K. G.* Musical and other sound instruments of the South American Indians: a comparative ethnographical study. Goteborg, 1935.

Sachs 1968 — *Sachs C.* The History of Musical Instruments. London, 1968.

Tari 1997 — *Tari L.* Anmerkungen zum Geigenstil der finnougriischen Wotjaken und Tschheremissen des Wolga-Kama-Gebietes // *Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Bd 38. № 3—4. 1997. S. 291—314.

Wachsmann 1961 — *Wachsmann K. P.* The Primitive Musical Instruments // *Musical Instruments through ages*. Great Britain, 1961. P. 23—54.

Сокращения

НОА — Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

ПМА — полевые материалы автора.

Summary. *The article suggests analysis of the chordophones which are seldom mentioned in the Udmurt Ethnomusicology. We reveal archaic layer of the Udmurts stringed bow instruments and stringed musical instruments played by plucking from the written sources of XIX—XX centuries and field materials of XX—XXI centuries. Comparative analysis of methods of playing and names of parts of the stringed instruments reveals genesis and place of the Udmurt musical instruments in the world.*

Key words: *chordophones, stringed bow instruments, stringed musical instruments played by plucking, musical bow, fiddle, playing techniques.*